

Любовь Кошкина

Оранжевый чемодан

Любовь Кошкина

Оранжевый чемодан

<https://litres.ru/74035821>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он пел от души. Она слушала душой. Он мечтал о ней. Она боялась его. Два мира, которые сошлись в обной точке! Что же ждет наших героев?

Содержание

Глава первая. Тот, кто поёт	4
Глава вторая. Тот, кто увидел	11
Глава третья. Тот, кто потерял голос	18
Глава четвёртая. Та, кто нашлась	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Любовь Кошкина

Оранжевый чемодан

Глава первая. Тот, кто поёт

Александр сорок три. Он высок. Плечист. Весьма красив. Серые нити в тёмных волосах только добавляют ему породы. Он красив той зрелой красотой, которая не требует аплодисментов. Женщины оборачиваются ему вслед. Александр не замечает.

Его **жена** — сцена. Его дети — песни. Его дом — оранжевый чемодан.

Старый пластиковый чемодан с треснутым правым углом и чёрным шнурком вместо ремня. Александр носит его с собой десять лет. Чемодан помнит вокзалы, купе плацкарта, гримёрки клубов и пол подъезда, где Саша иногда ночевал после концертов.

Внутри чемодана — порядок. Два комплекта одежды. Простая смена белья. И много блокнотов.

Стопка потрёпанных тетрадей в клетку, А4 на пружине, старые ежедневники с вырванными датами, мятые листы, сложенные пополам. Саша пишет везде. На полях, на оборотах афиш, на салфетках. В этих блокнотах — его философия, его мир, его посмертие, его откровения.

У него нет квартиры. Нет машины. Нет кредитов.

Есть голос.

Тёплый, густой, с хрипотцой. Когда Александр поёт, люди перестают жевать, перестают смотреть в телефоны, перестают врать себе хотя бы на три минуты. Они замирают. Открывают рты. Плачут. Улыбаются.

Он солист группы «Птица на снегу». Бас-гитарист Димка, барабанщица Ленка и Коля на клавишах — три человека, которые бросили стабильную работу ради репетиций. Они не богаты, но свободны.

Каждый вечер перед выходом на сцену Александр смотрит в осколок зеркала (треснутое, в ржавой раме, висит за кулисами на гвозде). Смотрит и говорит:

— То, что внутри, важнее того, что снаружи.

Потом берёт микрофон.

И поёт.

Не про разбитые сердца. Не про бывших и забытых. О мире — живом, хриплом, уставшем, но дышащем. О посмертии — лёгком, как выдох, как пересадка в другой поезд. Философские строки. Жизнеутверждающие, даже когда речь о конце.

Он берёт слова из самой глубины. Там, под рёбрами, у него открытый канал. Он не мучает рифму. Поток идёт сам.

Вот его песни.

«Мы все уйдём за облака, где время — просто ложь.

Ты не бойся, там не больно, там рассвет хорош.

Мир болит, но он живой, смотри — встаёт заря.

Просто пой мне тихо, я твой вечный алтарь».

Или вот эта — про тишину после отбоя:

«Если станет пусто, выйди на крыльцо.

Там, где небо лечит сердце и берёт в кольцо.

Смерти нет, есть только ветер и седая нить.

Ты успел опять проснуться, чтобы жить, любить».

Александр пишет эти строки в электричках. В ночных перерывах между саундчеками. В залах ожидания на Ленинградском вокзале. Слова приходят сами — утром, когда чистишь зубы под шум воды. Он изящно открывает рот, и поток идёт.

Группа играет в маленьких клубах. Двести-триста человек. Потолки плюются штукатуркой. Пахнет пивом и чужим потом. Но для Саши каждый зал — собор.

Он выходит на сцену босиком. Свитер — оранжевый, растянутый, с катышками, сползает с плеча. Последний подарок матери. Мамы нет восемь лет. Свитер пахнет домом, которого больше нет, и пылью дорог. Саша никогда его не стирает.

В тот самый вечер было очередное выступление.

Клуб «Порт» на Васильевском острове. Питер. Сентябрь.

За кулисами Саша открывает чемодан, достаёт один блокнот — в синей обложке, потёртый — и перечитывает свежий куплет. Кивает. Закрывает. Кладёт блокнот обратно, поверх линиялой футболки.

Тётя Зина звонила днём: «Крыша течёт, Саша. Тазик не

спасает». Он ответил: «Поставь ведро». И выключил телефон.

Сейчас важнее музыка.

Он выходит.

Свет бьёт в лицо. Толпа шумит. Саша не смотрит на лица — обычно он смотрит чуть выше, туда, где свет встречается с тьмой. Он горд. Он готов. Внутри — ни капли фальши.

Микрофон щёлкает под пальцами.

— Добрый вечер, — говорит он негромко. — Сегодня я спою вам о том, что нас ждёт после.

Зал затихает.

Первый аккорд берёт Коля на клавишах — мягко, как первый снег. Ленка дотрагивается до тарелок — шорох. Димка на басы даёт пульс — ровный, живой, сердцебиение.

Саша закрывает глаза. Поёт.

Его голос наполняет зал. Тепло разливается по рёбрам. Грудная клетка вибрирует, как динамик. Он чувствует каждую ноту — горлом, животом, позвоночником. Строки выходят наружу раскрытыми ладонями.

Он поёт про мир, который трещит по швам, но всё равно прекрасен. Про смерть как пересадку на другой маршрут. Про то, как важно не врать себе перед сном.

Люди слушают, раскрыв рты. В первом ряду девушка плачет, вытирая слёзы рукавом. Саша это видит краем глаза, но не останавливается. Он в своей стихии.

В какой-то момент — он не знает в какой — веки сами

поднимаются. Глаза ищут фокус.

И находят.

Третий ряд. С левого края. Девушка в джинсовой куртке. Волосы распущены. Ничего особенного на первый взгляд.

Но глаза.

Александр никогда не видел таких глаз.

Колдовские. Глубокие. Цвета осенней рябины, мёда и болотной воды одновременно. Они словно пронзают. Сквозь кожу, сквозь рёбра, сквозь все блокноты, через все вокзальные ночи, через гордость и самоуверенность, через оранжевый свитер. До самого дна, где спрятан тот самый родник, из которого он берёт песни.

Саша чувствует, как дыхание сбивается. Доля секунды. Димка ёрзает за басом — уловил паузу. Ленка мягко подстраивается.

Но Саша продолжает. Он мастер. Он не сломается.

Только теперь он поёт для неё.

Голос становится глубже. Пронзительнее. В нём появляется хрип вовсе не от усталости, а от внезапной правды. Строчки рождаются сами, прямо на месте, без черновика:

«Ты стоишь среди чужих, как нож среди посуды.

Я не знаю, как тебя звать, но в тебе нет фальши, худо.

Твои глаза — два омута, не выплыть, не вздохнуть.

Я пел сто лет, но в первый раз забыл куплет...».

Он замолкает на полупhrазе. Зал рукоплещет, думая, что так задумано. А Саша все смотрит в третий ряд.

Девушка не аплодирует. Не машет. Не улыбается.

Она смотрит в ответ. Искренне, спокойно, без вызова. И в этом взгляде — сила, которая сильнее любого пауэр-аккорда.

Александр, впервые за двенадцать лет сольной карьеры, чувствует: его увидели по-настоящему. Не артиста. Не красавца в оранжевом свитере. Не философа с блокнотом. А того мальчика, который когда-то пел под дождём во дворе, потому что больше нечем было дышать.

Песня допета. Зал рукоплещет. Кто-то кричит «Саша! Саша!».

Он кланяется, выдыхает в микрофон «спасибо» и уходит за кулисы быстрым шагом.

Чемодан стоит у стены, приоткрытый — ждёт хозяина.

Александр садится на пол, спиной к шкафу, вынимает из чемодана синий блокнот, листает до чистой страницы.

Ручка дрожит в пальцах.

Он пишет одно слово: «Глаза».

Смотрит на него минуту.

Перечёркивает.

Пишет: «Колодец».

Задумывается. Чиркает и это.

Оставляет лист белым, только внизу мелко, на отшибе:

«Я пел сто лет, но в первый раз забыл куда-то путь и свой куплет».

Закрывает блокнот и зажимает его в кулаке.

Он ещё не знает, что эта встреча — одна пара глаз — перевернёт всё. Одиночество, которым он гордился, сцену, которая была женой, чемодан, который был домом.

Но пока — только взгляд. Только немой вопрос, на который у него нет ответа.

Александр закрывает чемодан, затягивает чёрный шнурок и выходит на бис.

Потому что он певец. Он должен петь, даже когда внутри всё дрожит.

Глава вторая. Тот, кто увидел

После того вечера Александр перестал спокойно спать.

Он закрывал глаза и проваливался в них. В её глаза. В эти два омута. Они приходили во снах — без звука, без движения. Они смотрели из темноты словно в самую суть его души. Молча. С обещанием.

И Саша не хотел просыпаться.

Он тянулся к этому взгляду во сне, как утопающий к поверхности. Глаза манили, звали, обещали что-то такое, для чего у него не было ни названия, ни ноты, ни строчки в блокноте. Что-то огромное и тёплое, что переворачивало всё внутри.

Он просыпался с тихим выдохом. Лежал на продавленной кровати в своей комнате, смотрел в потолок. Тётя Зина за стенкой храпела. Часы на тумбочке тикали. А внутри всё дрожало, как струна, которой не существует.

Гладил рукой пустое место рядом — никого.

— Кто ты? Где ты? — шептал он в темноту.

Темнота молчала. Но в ней всё ещё витал тот взгляд.

Днём Александр пытался писать. Открывал оранжевый чемодан, доставал блокноты — синий, серый, потрёпанный клетчатый. Строчки не шли. Точнее, шли, но чужие.

Он начинал:

«Я видел Бога в электричке, он спал на рюкзаке»

Нет. Вырывал лист.

«Твои глаза — два провода... они пронзили, словно током

»

Слишком грубо. Слишком отчаянно. Не то.

Раньше слова вылетали из сердца свободно, как голуби из открытой клетки. Теперь они спотыкались о невидимый порог. Имя незнакомки било в висках, но он его не знал. Он даже лица толком не запомнил — только глаза. Два колодца, два маяка, два обещания.

Саша выходил на балкон, курил, смотрел на серые панели домов. В луже под фонарём мерещился отсвет. В стекле проезжающей машины — блик.

— Где же ты? «Кто же ты?» — спрашивал он шёпотом.

Ветер не отвечал.

Димка на репетициях заметил:

— Саша, ты куда-то улетел. Мы здесь, с тобой.

— Здесь, здесь, — отмахивался Саша.

Но сам знал: тело здесь, а сердце — там. На дне этих чарующих глаз.

Ленка переглядывалась с Колей. Никто не лез с расспросами. В группе привыкли, что Саша — человек-тайна.

Через месяц.

Звонок разбудил его в полдень. Александр варил гречку на крошечной кухне, пахло пригоревшим молоком. Телефон

дребезжал на подоконнике.

— Александр? Дмитрий Петрович, агентство «Первый ряд». Мы видели ваше выступление в «Порту».

Саша замер. В «Порту» ...

— У вас уникальный материал, — продолжал голос. — Тексты — это редкость. Философия. Глубина. Мы хотим предложить вам большой тур. Москва, Питер, Киев, Минск. Площадки от трёх тысяч мест.

Саша присел на табуретку.

— Оплата? — спросил он хрипло.

— Апартаменты высокого уровня на весь тур. И гонорар за каждый концерт — сумма, которая изменит вашу жизнь.

Назвали цифру.

Саша посмотрел на кастрюлю. Гречка сбежала, молоко подгорело. Но он не заметил.

— Команда моя? — спросил он.

— Ваша. Только ваша и никак иначе. Репертуар не ограничиваем. Мерч разработаем эксклюзивный. Сделаем так, чтобы «Птица на снегу» зазвучала везде.

Александр положил трубку.

В комнату заглянул оранжевый чемодан — стоял в углу полуоткрытый, будто подслушивал.

— Что скажешь? — спросил Саша.

Чемодан молчал. Но внутри лежали блокноты. Чистые страницы ждали.

Команда примчалась через час.

Ленка плакала, узнав про апартаменты. У неё сын, двойка по математике, и вечно дырявые сапоги. Дима уронил сигарету на пол, забыл поднять. Коля изумленно сидел с открытым ртом.

— Саша, это выход, — сказал Дима. — Мы же не ради себя. Ради музыки. Чтобы нас слышали.

Саша слушал и кривился.

Ему претила эта идея. Толпы. Проекторы. Футболки с логотипами на продажу. Его песни — о посмертии, о тишине, о том, как важно не врать себе — разве они рождены для стадионов?

Но он посмотрел на Ленку. На её красные глаза. Вспомнил, как она спала на вокзале, потому что не хватило денег на хостел.

— Играем, — сказал он коротко.

Через две недели Саша стоял перед зеркалом в гостиничном номере.

На нём — новая фирменная футболка группы. Чёрная, с заснеженной птицей на груди. Брендные джинсы — синие, мягкие, сидят идеально. Новые ботинки из дорогой кожи, ещё хрустят.

Александр провёл рукой по воротнику. Пахло неизвестным. Чужим.

Он снял футболку, достал из оранжевого чемодана старый

свитер — материнский, растянутый. Понюхал. Потом положил обратно.

— Надо, — сказал он себе. — Для них.

Надел фирменное. Застегнул. Выдохнул.

Ледовый дворец. Пятнадцать тысяч человек.

Саша стоял за кулисами и слышал гул. Как океан перед штормом. У него заколотилось сердце — вовсе не от страха, а от важности этого момента.

— Ты справишься, — шепнула Ленка, сжимая его ладонь.

Он кивнул.

Свет погас. Толпа взорвалась криками.

Саша вышел на сцену.

Пятнадцать тысяч пар глаз. Но не тех. Её глаз нет.

На секунду мир поплыл. Он почувствовал — ноги стали ватными, микрофон задрожал в руке. Паника подползла к горлу.

«Что я здесь делаю? Я писал песни не для этого. Я создан для маленьких клубов. Я для тех, кто поймет».

Но потом он закрыл глаза.

И в темноте вспыхнули они.

Её глаза.

Те самые. Колдовские. Они смотрели из ниоткуда — немного насмешливо, немного требовательно. Они словно говорили: «Ты писал, что бы они услышали. И они пришли услышать. Ты певец. Так пой для них и меня».

Саша открыл рот.

И запел.

Не думал. Не контролировал. Он выпустил голос из самого сердца — из того места, где хранятся все мысли и память о той, чьего имени он не знал.

«Мы все уйдём за горизонт, где нет дорог и льгот.

Но кто-то смотрит нам в лицо, и этот кто-то ждёт.

Я не знаю смысл всего, но он во мне звучит.

И я найду слова во тьме — а ты опять молчишь»

Зал взревел.

Люди вставали с мест. Поднимали руки. Кричали. Саша не слышал их — он был в потоке. В голосе. В глазах, которые пришли его спасать.

Он пел про мир, про посмертие, про философию в каждом вдохе. Про то, что смерть — это очередная пересадка. Про то, что бояться нечего, пока внутри горит свет.

Финал взорвал Ледовый дворец.

Саша открыл глаза — и увидел океан аплодирующих людей. Мерч в зале был уже раскуплен. Кто-то держал футболку. Кто-то открытки с автографом. Кто-то шарф со снежным узором и птицами по краям.

Дима рукоплескал залу. Ленка растворилась и улыбалась этому гулу голосов. Коля активно кивал, сжимая кулак.

— Мы сделали это, — выдохнул Саша.

Он быстро ушёл за кулисы, туда, где в углу стоял оранжевый чемодан. Открыл. Достал блокнот. Ручка дрожала в

пальцах.

Он написал одну строчку:

«Ты приходила сегодня. Спасибо. Обещаю найти тебя»

И закрыл чемодан.

Глава третья. Тот, кто потерял голос

Турне началось как полёт. Самолёты, гостиничные коридоры с пушистыми коврами, толпы у служебных входов. Александр просыпался в одном городе, засыпал в другом. Оранжевый чемодан стоял у каждой новой кровати, и Саша каждый вечер открывал его, доставал блокнот, садился писать.

Чистый лист.

Утро. Ночь. Перерыв между саундчеком и выходом. Ручка замирала над белой страницей — ни строчки.

Раньше сердце само выплёскивало слова. О мире, о после-словии, о тихой радости бытия. Теперь внутри — пустой зал. Тишина. Александр прижимал ладонь к груди — там глухо. Будто кто-то унёс ключ от родника.

На сцену он выходил в чёрной футболке с заснеженной птицей на груди. Толпа ревела. Он закрывал глаза — и в темноте за веками вспыхивали её глаза. Колдовские, осенние, манящие. Они приходили в самые трудные минуты, давали опору, возвращали к жизни. Но новых песен не приносили. Только старый огонь.

Он пел то, что написал раньше. Хиты «Птицы на снегу», которые зал знал наизусть каждый концертный зал. Отточе-

но, мощно, с душой, но без нового дыхания. Отличный исполнитель своих же старых истин. Публика плакала. Саша улыбался и уходил за кулисы с ощущением пустоты внутри.

«Мы все уйдём за облака, где время — просто ложь» — звучало в тысячный раз.

Красиво. Правдиво. Но вчерашнее.

После каждого концерта журналисты ловили его за локоть.

— Александр, слово для наших читателей?

— Мои песни говорят за меня, — отвечал он и мягко уходил.

Они хотели знать его возраст, его прошлое, женщин, скандалы, тайны. А ему нечего было добавить к тому, что уже звучало со сцены. Вся его правда — в блокнотах. Вся его биография — в оранжевом чемодане. Открывать душу перед камерами? Зачем, если душа молчит?

Димка заметил первым. После концерта в Екатеринбурге он зашёл в номер, где Саша сидел на полу, обняв чемодан.

— Ты в порядке? — спросил Дима осторожно.

— Я — да. А песни — нет.

— Муза пропала?

— Ушла в гости. Может, вернётся.

Дима сел рядом. Долго молчали.

— Боишься, что слава тебя сожрёт?

— Боюсь перестать быть проводником. Раньше слова шли

через меня. Я только открывал рот — и мир пел через меня. Сейчас я слышу только топот тысяч ног и своё эхо.

Ленка принесла чай. Коля притащил печенье. Четверо сидели на полу гостиничного номера, и оранжевый чемодан стоял в центре, как домашний алтарь.

В Москве, после аншлага в самом известном концертном зале, к Саше подошёл главный организатор — подтянутый мужчина в синем пиджаке.

— Александр, великолепный сезон. Мы готовим второе турне. Осенью. Плюс студийный альбом. Релиз на всех площадках. Мировая дистрибуция.

Саша кивнул, хотя каждое слово падало в пустоту.

— Я в этом полный ноль, — сказал он без ложной скромности. — Бумаги, сроки, проценты. Я только пою.

Организатор улыбнулся:

— Значит, вам нужен человек, который возьмёт всё на себя. Продюсер. Менеджер. Тот, кто любит цифры и договоры, а на сцену не лезет.

Саша обернулся к команде. Димка крутил в руках басовый гриф, Ленка заплетала косу, Коля чистил клавиши.

— Ребята, — сказал Саша. — Что скажете?

— Я устал считать эти страшные цифры, — сказал Дима.

— Я хочу только играть, — добавила Ленка.

— И я, — кивнул Коля.

Саша посмотрел на оранжевый чемодан. Внутри лежали

чистые блокноты, белые страницы, ждущие. Может, если перестать думать о билетах и гонорах, если передать эту головную боль другому, в груди снова зазвучит?

— Ищем продюсера, — сказал Александр твёрдо. — Человека с холодной головой и горячим сердцем. Который полюбит нашу музыку, но оставит её нам.

Он взял блокнот, открыл на новой чистой странице и написал:

«Я жду тебя, новый человек. Приходи. Мы готовы довериться»

Потом закрыл чемодан и вышел на бис.

В зале снова ревели. Саша пел старые песни, но вкладывал в них всю тоску по новой музе.

Где ты та, с глазами-колодцами?

Где вы, новые слова?

Он знал только одно: продюсер появится. И это будет первый шаг к возвращению голоса.

Глава четвёртая. Та, кто нашлась

Перерыв между концертами выдался длинным — целых три недели. Команда засела в гостинице, сняла два номера и маленькую переговорную. Оранжевый чемодан стоял в углу Сашиной комнаты, раскрытый, будто ждал пополнения.

Чистые страницы так и оставались чистыми.

— Нам нужен продюсер, — сказал Саша за завтраком. — Или менеджер. Или один человек, который умеет всё. Я не понимаю, сколько их должно быть. Пусть будет тот, кто возьмёт бумаги и деньги, а музыку оставит нам.

Ленка кивнула. Дима достал блокнот и начал составлять объявление.

Следующие две недели превратились в бесконечный парад.

Кандидаты шли вереницей. Каждый день по три-четыре человека. Переговорная гостиницы напоминала вокзальный зал ожидания.

Первым пришёл молодой человек в модных очках. Он говорил только о процентах, отчислениях и эксклюзивных контрактах. На вопрос Саши, что ему нравится в песнях «Птицы на снегу», молодой человек ответил: «Хитовость». Дима вывел его под руку.

Потом явилась девушка с длинными ногтями и декольте. Она сразу села рядом с Сашей, положила руку ему на колено.

«Я обожаю артистов, — проворковала она. — Мы так классно сработаемся». Ленка сделала круглые глаза. Коля попросил её выйти.

Потом — мужчина с портфелем, который принёс бизнес-план на сорока листах. Саша открыл первую страницу, закрыл и сказал: «Я ничего не понимаю». Мужчина обиделся и ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.